

Вполне возможно, что окончательно плодотворное понятие синонимии будет понятием степени – не двухместным отношением, типа *a* синонимично *b*, но четырехместным отношением, типа *a* синонимично *b* в большей степени, чем *c* синонимично *d*. Но классифицировать это понятие как предмет степени не значит его объяснить; для нашего четырехместного отношения нам все еще будет нужен критерий или, по крайней мере, определение. Значительное затруднение, которое следует преодолеть при разработке определения (неважно, будет ли это двухместное отношение абсолютной синонимии или четырехместное отношение синонимии сравнительной), – это затруднение с тем, чтобы настроить наше сознание именно на то, что мы пытаемся сделать, когда переводим калабское высказывание, не являющееся простой регистрацией непосредственно наблюдаемых черт окружающей ситуации.

Другой раздел проблемы значения, а именно, проблема определения значимой последовательности, ведет нас контрфактическим условным высказываниям – значимая последовательность является последовательностью, которая *могла бы быть* выражена без каких-либо неблагоприятных воздействий. Я настаивал, что операциональное содержание этого «могло бы» является неполным, оставляя место для свободных дополнительных ограничений грамматической теории в свете простоты рассмотрения. Но мы уже научены тем, когда контрфактические условные высказывания принимаются молчаливо. В случае синонимии тирания развивающейся системы, недостаток явных объективных средств контроля особенно бросается в глаза.

IV

ТОЖДЕСТВО, ОСТЕНСИЯ И ГИПОСТАЗИРОВАНИЕ

Тождество представляет собой общераспространенный источник философских затруднений. Поскольку я претерпеваю изменения, на каком основании обо мне можно говорить, что я продолжаю оставаться самим собой? Принимая во внимание, что полная замена моей материальной субстанции случается каждые несколько лет, каким образом обо мне можно говорить, что, в лучшем случае, я остаюсь самим собой более этого периода?

Не лишено приятности, если бы те или иные соображения привели к вере в неизменную и, следовательно, бессмертную душу как в средство сохранения моей самостождественности. Но нам следует умерить стремление охватить параллельным решением параллельную проблему Гераклита относительно реки: «И в одну и ту же реку нельзя войти дважды, ибо на входящего текут все новые и новые воды».

Решение гераклитовой проблемы, хотя и известное, предоставит удобный подход к некоторым менее известным вопросам. Истина в том, что вы *можете* войти в одну и ту же реку дважды, но не в один и тот же срез [stage] реки. Вы можете войти в два среза, которые суть срезы одной и той же реки, а это и есть то, что определяет ваше вхож-

дение в одну и ту же реку дважды. Река – это процесс во времени, и срезы реки суть его мгновения. Идентификация реки в которую вошли однажды, с рекой, в которую вошли снова, как раз и есть то, что определяет наш основной предмет (т. е. реку) как процесс в противоположность срезу.

Давайте о любом многообразии водных молекул будем говорить как о *воде*. Срез реки есть в то же самое время срез воды, однако два среза одной и той же реки в общем не являются срезами одной и той же воды. Срезы рек есть срезы вод, но реки – это не воды. Вы можете войти в одну и ту же реку дважды без того, чтобы дважды войти в одну и ту же воду; к тому же вы можете, если будете перемещаться достаточно быстро, дважды войти в одну и ту же воду, входя при этом в две разные реки.

Вообразим, что мы начинаем с мгновенных вещей и их взаимоотношений. Одной из таких мгновенных вещей, назовем ее *a*, является мгновенный срез реки Кестр в Лидии, около 400 года до н. э. Другой, назовем ее *b*, является мгновенный срез Кестра двумя днями спустя. Третья вещь, *c* – это мгновенный срез, датированный как и последний, того же самого многообразия молекул воды, которые были в реке во время *a*. Половина *c* находится вниз по долине Кестра, а другая половина должна быть обнаружена в рассеянном состоянии в Эгейском море. Таким образом, *a*, *b* и *c* – это три различным образом соотношенных объекта. Мы можем сказать, что *a* и *b* родственны в отношении реки, тогда как *a* и *c* родственны в отношении воды.

Введение рек как единичных сущностей, а именно, как процессов или длящихся объектов, по существу, состоит в прочтении тождества там, где стоит речное сродство [river kinship]. Действительно, было бы ошибочно говорить, что *a* и *b* тождественны; относительно реки они лишь родственны. Но если бы мы указали на *a*, а затем, подождав требуемые два дня, указали на *b* и настаивали бы на тождестве

венности указываемых объектов, то тем самым, мы продемонстрировали бы, что наше указание относится не к указанию на два родственных среза течения реки, но к указанию на единственную реку, которая включает их оба. Приписывание тождества существенно здесь для того, чтобы зафиксировать оstenсивную референцию.

Эти размышления напоминают юмовский подход к нашей идее внешних объектов. Теория Юма состояла в том, что идея внешних объектов возникает из ошибки отождествления. Различные сходные впечатления, разделенные во времени, ошибочно трактуются как тождественные; и затем в качестве средства решения противоречия в отождествлении мгновенных событий, разделенных во времени, мы вводим новый непреходящий объект, который служит предметом нашего высказывания о тождестве. Юмовское обвинение в ошибочном отождествлении интересно здесь в качестве психологического предположения об источниках, но нам нет нужды разделять это предположение. Важно лишь просто отметить непосредственную связь между тождеством и постулированием процессов или длящихся объектов. Предпочсть тождество речному сродству, значит говорить о реке Кестр, а не об *a* и *b*.

Относительно временной протяженности отмечаемого объекта указание само по себе двусмысленно. Даже при условии, что отмечаемый объект должен быть процессом значительной временной протяженности и, следовательно, совокупностью мгновенных объектов, указание все таки не говорит нам, *какая* совокупность мгновенных объектов подразумевается, если не считать тот факт, что имеющийся на руках мгновенный объект должен входить в желаемую совокупность. Указание на *a*, объясняемое как референция к длящемуся процессу, а не просто к мгновенному объекту *a*, может быть проинтерпретировано либо как референция к реке Кестр, срезами которой являются *a* и *b*, либо как референция к воде, срезами которой являются *a* и *c*, либо как

референция к любой из неограниченного числа гораздо менее естественных совокупностей, которым *a* также принадлежит.

Подобная двусмысленность устраняется, если указание сопроводить такими словами как 'эта река', отсылая таким образом к априорному понятию реки как к одному отличительному типу длящегося процесса, к одной отличительной форме совокупности мгновенных объектов. Указание на *a* и произнесение слов 'эта река' или – 'ὅδε ὁ ποταμός', поскольку мы находимся в 400 году до н. э. – не оставляют места двусмысленности в отношении объекта референции, если само слово 'река' уже является осмысленным. 'Эта река' подразумевает 'рекоподобная совокупность мгновенных объектов, содержащая этот мгновенный объект'.

Но здесь мы вышли за пределы чистой остенсии и допустили концептуализацию. Взамен, предположим теперь, что общий термин 'река' еще не понятен, так что мы не можем специфицировать Кестр посредством указания и произнесения 'Эта река есть Кестр'. Предположим также, что мы лишены других дескриптивных приспособлений. Тогда все, что мы можем сделать, – это указать на *a* и двумя днями позже на *b*, говоря каждый раз 'Это – Кестр'. Слово 'это', используемое таким способом, должно указывать не на *a* и не на *b*, а на нечто более обширное, идентичное в обоих случаях. Однако наша спецификация Кестра все-таки не однозначна, ибо мы все ещё можем подразумевать любую совокупность из обширного многообразия других совокупностей мгновенных объектов, соотносенных способами иными, нежели речное сродство; мы знаем только то, что *a* и *b* находятся среди его конституэнт. Однако указанием на все большее и большее количество срезов в добавок к *a* и *b* мы исключаем все больше и больше альтернатив, до тех пор, пока наш слушатель, склоняющийся в соответствии с собственной интенцией в пользу наиболее естественной группировки, не схватит идею Ке-

стра. Его обучение этой идее представляет собой индукцию: из нашей группировки приводимых в качестве примеров моментальных объектов *a*, *b*, *d*, *g* и других под названием Кестр, он проэктирует общую корректную гипотезу, с тем чтобы мы также согласились включить последующие мгновенные объекты.

На самом же деле, в случае Кестра встаёт вопрос о его протяженности не только во времени, но и в пространстве. Если наш слушатель должен получить репрезентативную основу для своего индуктивного обобщения относительно направленного пространственно-временного протяжения четырехмерного объекта Кестр, наши указания на примеры должны быть сделаны не только в различные дни, но и в различных пунктах вверх и вниз по течению.

При остенсии пространственное протяжение не может быть полностью отделено от временного, ибо успешные остенсии, обеспечивающие примеры, помимо пространственной протяженности ограничены во времени. В этой простой остенсивной ситуации уже заложена, правда поверхностно, нераздельность пространственной и временной характеристик теории относительности.

В этом случае понятие тождества рассматривается как то, что осуществляет центральную функцию вычленения посредством остенсии обширных пространственно-временных объектов. Без тождества *n* актов остенсии специфицируют *n*-ое число объектов, каждый из которых обладает неопределенной пространственно-временной протяженностью. Но когда мы утверждаем тождество объекта от остенсии к остенсии, мы принуждаем наши *n* остенсий указывать на один и тот же крупный объект и таким образом предоставляем нашему слушателю индуктивное основание, с помощью которого предполагается достигнуть такой объект. Пространственно-временной протяженностью с помощью некоторого индуктивного процесса объект наделяют чистая остенсия плюс отождествление.